

I

ДВА ГРАФА

Ищи паче в разнообразии единства
нежели в единообразии разделения¹⁸
(Афоризм Кузьмы Пруткова.)

Читатель должен знать, что в русской литературе настает теперь время плутарховских параллелей¹⁹. Первые попытки, хотя еще робкие и неопределенные, уже показались: г. Вагнер в двух превосходных статьях проводит параллель²⁰ между «природою и Мильном Эдвардсом» (см. «Отеч. записки»), а г. Благовещенский — между «Петронием и пермскими сказочниками»²¹ (см. «Русское слово»). Новая эра параллелей, так сказать возрождение Плутарха, совершится тогда, когда появится знаменитая статья г. Тургенева «Бернс и Кольцов»²². Но так как появление этой статьи скрывается в тумане более или менее отдаленного грядущего, то мы намерены подготовить к ней публику несколькими этюдами, не имеющими такой капитальной важности, как будущее произведение г. Тургенева, но тем не менее долженствующими знакомить публику с плутарховскою манерою. Так, наши даровитые сотрудники обещали нам параллели: «Вильмен и А. Д. Галахов»²³, «В. А. Кокорев и Лафит», «Жорж Занд и Евгения Тур», «Битва Горациев и Куриациев и бой 13 декабря 1859 года в петербургском пассаже», «Ламорисьер и Н. Ф. Павлов» и пр. и пр. Но читатели понимают, что подобные труды требуют долгих и тщательных соображений, а между тем «Свисток» любит очень быстро переходить от мысли к делу. Вот почему, за недостатком покамест отечественных трудов по этой части, радостно приветствуем плутарховскую пару, недавно возведенную во французской литературе. Пара эта имеет тем

более прав на наше внимание, что она отличается весьма возвышенным характером.

Две единицы, составляющие интересную пару, которая рекомендуется вашему вниманию, обе благородного происхождения. Правда, одна из них была недавно заподозрена каким-то немецким журналом в том, что она — из немцев²⁴, и даже, кажется, из баварцев; но, по всей вероятности, это подозрение неосновательно. Во всяком случае нам известно, что обе единицы не только благородные, но даже графы. Один из графов называется *Кавур*, другой *Монталамбер*.

Если вы следите за политикой не для пустого препровождения времени,

162

а для того чтобы почерпать из нее мудрые уроки, возвышенные идеи и убедительный слог, то вы, конечно, не спросите нас, по какому случаю соединили мы два имени, для профанов не имеющие между собою ничего общего. Вам должно быть известно что оба графа взаимно очень заняты собою (т. е. друг другом: простите невольный галлицизм), что граф Кавур, и тяжелой борьбы с Гарибальди и затруднительных рассуждений в парламенте не упускает случая затронуть графа Монталамбера, и что граф Монталамбер, в свою очередь, как ни опечален горестями святейшего отца и неудачами Ламорисьера²⁵, не оставляет, однако же, устремлять свои помыслы к графу Кавуру и делать выгодные для себя сравнения. Этому благородному и полезному занятию своему они придали недавно гласность, которою мы и пользуемся для своего этюда.

12 октября сего года было в туринском парламенте чрезвычайное заседание, имевшее целью доказать, что граф Камиль Кавур любит Италию и свободу, но не любит

Гарибальди, ибо Гарибальди слишком зазнался и сделался с некоторого времени беспокойным человеком. В красноречивой речи (которую можно посоветовать выучить наизусть редакции «Русского вестника») граф Кавур доказал, что Италия своим возрождением обязана его дипломатическим способностям, что при нем никакого Гарибальди ей не нужно, что пусть только подождут, а он «подумает», и все уладится как нельзя лучше. Все остались довольны речью и никто не заметил в ней маленькой шпильки, направленной очень далеко. Да и как было заметить? Речь вся была составлена, так сказать, из мечей обоюдоострых, так до шпилек ли тут! Но такова сила дипломатического гения, что среди мечей один граф отлично умел поместить шпильку другому графу, и другой граф немедленно успел заметить царапину и поспешил даже почувствовать благородное негодование.... Дело в том, что, говоря о Риме и папе, граф Кавур произнес, между прочим, следующую тираду:

«Я думаю, разрешение римского вопроса придет вследствие более и более распространяющегося в современном обществе и в среде самих католиков убеждения, что свобода как нельзя более благоприятствует развитию истинного религиозного чувства.

Я убежден, что эта истина скоро восторжествует. Мы уже видели ее признание самыми горячими защитниками католических идей, мы видели, как один знаменитый писатель, в одну из светлых минут своих, доказывал Европе в книге, наделавшей большого шума²⁶, — что свобода была весьма полезна для возвышения религиозного духа».

Кто следит за успехами европейской мысли, хоть по отделу иностранной в «Отечеств. записках», тот должен понять, что намек графа Кавура относится к графу Монталамберу. Очевидность была так велика, что граф Монталамбер счел нужным тотчас же принять его на свой

счет, обидеться и обнародовать ответ графу Кавуру, писанный, можно сказать, молниями! Он появился в октябрьской книжке журнала «Correspondant»²⁷, который, к сожалению, мало известен в русской публике, хотя занимается Россией с особенной любовью: он хочет обратить ее в католичество!.. Впрочем, об этом мы еще скоро поговорим особо, а теперь обратимся к нашим графам.

163

«Говорят, что вы это на меня хотели намекнуть в вашей речи, — пишет обиженный граф к графу-обидчику. — Если бы в ваших словах заключалась только похвала, я бы не позволил себе принять их на свой счет; но в них есть также оскорбление: значит — моя скромность может успокоиться».

Это вступление имеет отношение к прошедшему французского графа. Надо вспомнить, что около 1856 года в недрах «католической партии», основанной графом Монталамбером, произошел раскол. Господин Вёльо забежал слишком далеко, граф Монталамбер слишком отстал, а граф Фаллу²⁸ оставался между ними, не зная, что ему делать — прибавить шагу или остановиться вовсе. В это время г. Вёльо, с свойственной ему бесцеремонностью, рассказал в «L'Univers»²⁹ некоторые интимные факты поведения графа Монталамбера во время *coup d'état*^{*30}. Граф смолчал. Тогда другие журналы, сначала боявшиеся верить газете г. Вёльо, решились принять серьезно рассказ бывшего друга о его союзнике. После этого граф Монталамбер в общих выражениях протестовал, объявив, что прежде он не хотел отвечать ибо знал, что «общественный деятель должен благодушно переносить критики, даже самые грубые и обидные». В ответ на это признание один журнал не без

* государственный переворот (франц.). — *Ред.*

ядовитости заметил тогда, что молчать, когда наши же друзья и единомышленники выставляют против нас малоизвестные факты, обличающие нас в недостатке убеждений, — это уже значит слишком далеко простираť христианское смирение...

Несмотря на свои почтенные лета и звание академика, граф Монталамбер, как видим, не погнушался воспользоваться журнальным уроком. Теперь он оставляет смирение в стороне и спешит протестовать против подозрения в желтухе или куриной слепоте, которую ему явно приписывает граф Кавур, осмеливаясь провозглашать, будто «знаменитый писатель» только в «светлые минуты» может видеть вещи как следует. «Знаменитый писатель» тем же слогом, каким он ратовал в 1831 году против жандармов, пришедших разогнать основанную им школу³¹, гремит теперь против графа Кавура, стараясь доказать, что если кто из них двоих находится в белой горячке, так это, конечно, уж сам граф Кавур. Для полнейшего доказательства этой истины обиженный граф собрал все свои силы, припомнил все свои изучения и изложил результаты своих долгих соображений относительно пьемонтского графа — в разительной параллели, которую мы и переводим для удовольствия читателей. Само собою разумеется, что слог перевода не может равняться в энергии с подлинником; но и слабое понятие о нем уже достаточно для того, чтобы возбудить умиление читателей.

«Вы меня вызываете перед публикой, — пишет граф Монталамбер, — значит, даете мне право и отвечать вам публично.

Я чувствую к этому отвращение, которое едва могу превозмочь. Французская кровь была пролита по вашим приказам; католическая честь оскорблена была вашими помощниками; теперь ваши слова угрожают вековой обители, последнему убежищу общего отца всех верных. Нет

ни одного из ваших действий, которое бы меня не оскорбляло и не возмущало... И вот вы наносите новый удар всему, что мне дорого, прикрывая ваши злые умыслы

164

покровом обманчивого соглашения между религией и свободой. И для подтверждения ваших слов вы призываете мое свидетельство!..

Я считаю своей обязанностью объявить, что ни в каком отношении, господин граф, я не схожусь с вами!

Благодарение богу, ваша политика — не моя!

Вы стоите за большие централизованные государства; я — за маленькие самостоятельные владения.

Вы презираете местные предания в Италии; я люблю их повсюду.

Вы хотите Италии единой; я хочу союзной.

Вы нарушаете трактаты и международное право; я их уважаю, потому что между государствами это то же самое, что контракты и честность между частными людьми.

Вы для вашей цели жертвуете обязательствами, обещаниями, клятвами. Я отвечаю вам словами благородного Манина³²: «средства, неодобряемые нравственным чувством, даже если бы они и были полезны материально, убивают нравственно. Никакою победою нельзя искупить презрения к самому себе».

Вы разрушаете светскую власть святого владыки; я ее защищаю со всей энергией моего разума и любви (*de ma raison et de ma tendresse*).

Вы не одобряете политику, которая снарядила римскую экспедицию 1849 года³³, а я горжусь тем, что ее поддерживал. Несмотря на ужасные и непростительные противоречия, встреченные ею после того, я благодарен ей, потому что и

теперь, если Франция и Пьемонт принуждены встретиться лицом к лицу перед Капитолием, — так это есть последнее, слабое последствие той экспедиции.

Вы отдаете *героям* Гарибальди хвалы, которые я берегу для *наемников* бессмертного Пимодана³⁴.

Вы — с Чальдини, я — с Ламорисьером; вы — с отцом Гавацци³⁵, я — с епископами Орлеанским, Пуатьерским, Турским, Нантским, со всеми католическими голосами, которые в обоих полушариях протестовали и будут протестовать против вас.

Но особенно я — с Пием IX, который был первым другом итальянской зависимости до тех пор, пока это великое дело не попало в руки неблагодарности, насилия и обмана³⁶.

На нашей стороне, я могу это сказать, — совесть; на вашей, — я верю этому, — успех. Пьемонт решается на все, Франция все позволяет, Италия все принимает, Европа все терпит... ваш успех, повторяю, кажется мне верным».

Не правда ли, какая резкая параллель! Какое богатство мыслей, благородство тона и в то же время какая яркость контрастов, какое остроумие сближений! И при всем том нельзя сказать, чтобы выбор между двумя графами-противниками был очень легок даже для приверженцев графа Кавура. Они не могут указать на графа Монталамбера как на обскурантиста, как на врага Италии, как на человека ретроградного или революционера. Нет, он также любит Италию, любит свободу, любит прогресс и ненавидит революцию. Он, правда, толкует все о католической религии; да ведь и граф Кавур — тоже не отвергает католицизма. Из той самой речи, которая подала

повод к громоносным нападениям графа Монталамбера, видно, что граф Кавур сам хлопочет о процветании католической религии и смотрит на свободу именно с той точки, что она благоприятствует развитию и возвышению религиозного чувства. Выходит, что в основных пунктах между ними нет существенной разницы. Если мы соберем свои воспоминания, то найдем, что даже и в подробностях оба графа более имеют общего, нежели противоположного. Продолжим параллель, начатую графом Монталамбером.

Мы уже не хотим говорить, что наши герои оба графы, оба ровесники по годам, оба знамениты умом и красноречием и пр. и пр. Кто из государственных людей Европы не имеет всего этого? Морни, Валуевский, Тун, Рехберг, Боррис³⁷ — все графы, все отличаются высокими видами, все имеют почтенные лета и все, без малейшего сомнения, отличались бы красноречием, если бы только все имели к тому случай. Значит, об этой статье и толковать нечего.

Но есть другие стороны, более специально сближающие наших графов между собою. Например.

Граф Кавур научен осторожности и благоразумию теми испытаниями, которых он был свидетелем (хотя и не участником) в родной земле до 1848 года³⁸; еще более научен он политической мудрости неудачей самих восстаний 1848 года³⁹, в которых он, можно сказать, *почти* принимал личное участие: известно, что он, около времени Наварской битвы⁴⁰, записался даже в волонтеры, только не успел выступить на поле чести, по случаю слишком быстрого окончания войны. С той поры он войны боится, а к революции питает справедливое отвращение, и всего более за то, что она бросается на все, очертя голову. Он любит выступить на борьбу, оградивши себя и справа и слева, и сзади и спереди, или выждавши такое время, когда уж и ограждать себя не от кого. Тогда он становится храбр, упорен, предприимчив, тогда он готов презирать все преграды... Эту

черту его характера рельефно выставляет граф Монталамбер в продолжении своего письма: «Два препятствия теперь возвышаются перед вами, — говорит он, — Рим и Венеция; в Риме Франция, в Венеции Германия⁴¹. Это—то и есть, правда, настоящие иноземцы; но они сильны!. В Неаполе вы не остановились пред итальянцами, при Кастельфидардо вас было десять против одного; конечно, вам нужно было попать право, трактаты, обязательства, честь, справедливость, слабость, но ведь это все вещи отвлеченные, которые не могут противостоятъ картечи. В Риме же — стоят французские батальоны, в Венеции и Вероне — нарезные пушки! Вы легко преступили право, но перед силою вы колеблетесь».

По нашему мнению, это очень хорошо сказано, но хорошо вышло именно потому, что, рисуя графа Кавура, граф Монталамбер как бы раскрывал свою собственную душу. В самом деле, мы видим, что и он был приготовлен к политической деятельности такими же точно событиями, в каких прошла молодость графа Кавура. Монталамбер только, может быть, резче обозначился в своей теории, потому что партии и мнения во Франции давно уже определились гораздо яснее, чем в Италии. Но что касается до деятельности, она всегда была такова, что ей нельзя отказать в благоразумии. До 1830 года, хотя и находясь в близких отношениях с Ламеннэ, Виктором Гюго и другими

горячими людьми⁴², он, однако же, вел себя очень скромно. После 1830 года он шумел и ратовал на словах, особенно после того, как по смерти отца сделался пэром Франции; но не далее как в январе 1848 года он проклинал республику. После февраля⁴³ это, однако, не помешало ему объявить, что

он любит свободу, и быть представителем Дубского департамента в *Assemblée nationale**. Вскоре он нашел, впрочем, что «анархия убивает свободу», и потому стал защищать разные ретроградные меры. После 2 декабря он протестовал, но тем не менее назначен был членом «совещательной комиссии» и успокоился. Попавши потом в «законодательный корпус», он опять принялся за оппозицию (которая, как известно, там даже поощряется) и находил, что *coup d'état* не дал достаточно свободы. Но всегда старался он держаться в пределах умеренности, находя, что «опасно плыть против течения». В 1852 году, говоря о боязливом молчании, наложенном на Францию вследствие *coup d'état*, он выразился даже таким образом: «то без сомнения полезная и даже необходимая гигиена, и конечно *я не хочу быть первым* в отрицании ее законов». В этом нежелании быть первым, когда нужно бороться с чем-нибудь, — гораздо более сходства с постоянной политикой графа Кавура, нежели думает граф Монталамбер.

Нашедши это первое сходство, мы можем продолжать нашу параллель уже гораздо решительнее. Все частности, как бы они ни представлялись, противоположными на первый взгляд, сглаживаются перед родовым, типическим сходством, которое представляют интересные личности обоих графов. Положение их несколько различно: в большей части случаев пьемонтский граф оканчивает тем, чем начал французский, а французский отстает от того, к чему приходит пьемонтский; но это — дело обстоятельств, независящих от их воли. Что же делать, если французское правительство в начале деятельности Монталамбера походило на нынешнее сардинское⁴⁴, а тогдашнее сардинское имело большую аналогию с теперешним французским! Для оценки личности обоих графов это вещь совершенно посторонняя; она только с большой рельефностью выставляет перед нами, так сказать,

* Национальной ассамблее (франц.). — *Ред.*

«сродство душ» обоих графов и дает видеть, с каким бы умилительным согласием действовали они, ежели бы находились в одинаковых обстоятельствах.

Оба они, например, до безумия любят трибуну. Но до 1848 года в Италии нечего было и думать о трибуне. Что же делал граф Кавур? Он нашел для упражнения своего красноречия довольно изрядный суррогат в издании журнала «Risorgimento»⁴⁵. Во Франции после 1852 года трибуна тоже смолкла: что делает граф Монталамбер? Он издает с 1852 г. журнал «Le Correspondant», в котором находит приют для своего изящного слога. Но нет никакого сомнения, что при первом удобном случае (и даже теперь, после великих реформ 24 ноября во Франции⁴⁶, можно надеяться, что очень скоро) граф Монталамбер не преминет выступить на ораторское поприще. Равным образом не подлежит сомнению, что, в случае невозможности действовать живым голосом, граф Капур пустит в ход журналистику. Для этого и существует у него под руками «Opinione», «Diritto» и пр.

167

Но что делал граф Кавур с своим журналом в горячее время, которое переживала вся Италия пред 1848 годом? Проникся ли общим настроением умов, волновался ли патриотическими замыслами, содействовал ли поднимавшемуся революционному движению? Помилуйте, как это можно! Граф Кавур всегда был слишком солиден для этого: он всегда предан был просвещенному либерализму, но всякое шумное движение повергало его в ужас. Он не мог выносить других форм свободы, кроме свободы парламентских прений. Поэтому и в 1847 году «Risorgimento» с замечательным упорством держался в стороне от настоящего народного движения, не хотел угождать вкусу грубой черни и постоянно держался на высоте своей идеи,

толкую о конституционных постановлениях и о их преимуществах, в числе которых главным, конечно, стояло наслаждение парламентским красноречием...

Удивительное сходство представляет нам в этом случае «Correspondant» графа Монталамбера с журналом графа Кавура. Возьмите какой угодно номер — нет плебейских выходов, нет рассуждений дурного тона, нет даже упоминания о предметах, занимающих грубую массу, но не принадлежащих к области «высших» интересов; все благопристойно, возвышенно — и по содержанию, и по тону. Но в то же время это не напудренный приверженец старины, не отсталый консерватор — о нет! далеко нет! Он составляет оппозицию, но оппозицию благоразумную, направленную к практическим и высоким результатам, а не к каким-нибудь мечтательным замыслам. Он не шумит из-за «минутных» интересов, не одушевляется «преходящими» фактами; нет, у него есть глубокие, *вечные* идеи и требования, от которых он ни на шаг не отступит. Канвою для них служит всегда одна общая идея — права католицизма; но так как эта идея уже слишком обща и бледна сама по себе, то по ее фону всегда и разрисовываются другие, более специальные: права аристократии, сладость парламентаризма, отвратительность быстрых переворотов, умеренная свобода, ограниченная законностью, законность, поддерживаемая союзом аристократии и духовенства, и т. д.

Как видите, по сущности своих идей французский граф никак не отстает от пьемонтского, и потому оба они должны бы быть довольны друг другом. Но они хотят уверить нас, что в средствах не сходятся. Нам кажется, что и это напрасно. Приведем на память несколько фактов.

Граф Кавур, например, находя себя уж очень смелым и стремительным, одно время употреблял вместо себя в некоторых случаях графа Чезаре Бальбо. Так, он издавал «Risorgimento» вместе с Бальбо. Граф Бальбо известен своею

книгою «*Надежды Италии*»⁴⁷, которую итальянцы называют часто «*Надежды безнадежного*». В книге этой достойный граф уверяет Италию, что «собственно, она ничего сделать не может, но что нужно надеяться на перемены к лучшему в австрийском правительстве. Все, видите ли, идет к прогрессу, идеи развиваются, права определяются яснее; кому же лучше устроить их, как не тем, кто управляет народом? Такого-то философа выбрал граф Кавур себе в товарищи по журналу, и в сравнении с ним действительно казался отважным... Точь-в-точь такая же история произошла и с графом Монталамбером: он издает «Correspondant» вместе с графом Фаллу. Мы знаем, что граф Фаллу бросил яблоко раздора между г-жею Тур и редакциею «Русского вестника»⁴⁸; но о нем нельзя судить по этому

168

обстоятельству. Если бы он мог предвидеть прискорбные последствия публикации его книги «*Madame Swetchine*», то без всякого сомнения не стал бы публиковать ее, а благоразумно подождал бы, пока величие М-ме Свечиной будет признано всеми и не в состоянии будет поселять раздоров даже между московскими журналистами. Так можно думать, судя по характеру всей жизни и деятельности графа Фаллу, о котором один из его биографов с восхищением отзывается, что он мог в одно время быть другом свободы, находиться в наилучших отношениях с Персиньи, питать нежность к Ламеннэ и оставаться в дружбе с Вёль⁴⁹. Биограф находит в этом глубокий жизненный такт... И биограф не ошибается, по-видимому: друзья наших графов — тоже графы, следовательно ничего нет удивительного, если эти две четы насквозь пропитаны аристократизмом. В довершение сходства двух графов, 2—

го порядка, мы имеем сочинение графа Фаллу: «Житие Пия VII»⁵⁰, где он с таким же незлобивым упованием относится к прошедшему, как граф Бальбо к грядущему. Граф Фаллу находит, видите ли, слишком обидными отзывы историков об инквизиции и слишком неосновательными меры, послужившие к ее уничтожению. По его мнению, это установление было отлично приурочено к нравам своего времени, вовсе не имело в себе ничего ужасного, и следовало подождать совершенного изменения нравов и понятий, для того чтобы оно могло прекратиться или смягчиться само собою... Спрашиваем вас, читатели, чем эта философия хуже философии графа Бальбо, и кто из четырех графов может похвалиться своим другом предпочтительно пред остальными?

Если выбор друзей у наших графов одинаково удачен, то их тактика поражает нас совершеннейшим единством, которое можно даже заподозрить в подражании. Дело в том, что для достижения целей графов нужно было восхвалять парламентскую форму правления, а между тем это было не совсем удобно. И граф Кавур мог иметь за это кое-какие неприятности в 1847 г., а граф Монталамбер уже прямо находился в положении крайне затруднительном после 1852 года. Что делать? К счастью, у графа Монталамбера была мать англичанка, которая его, говорят, и воспитывала с некоторыми педагогическими манерами старой Англии, довольно суровыми в физическом отношении; граф же Кавур в молодых годах долго жил в Англии. После этого ясно, что они принялись эксплуатировать британское управление без всякого милосердия... «Risorgimento» полон был восторженных замечаний о государственных ораторах Англии и об уме, красоте и величии ее лордов; граф Монталамбер, как известно, тоже не дал спуска английским парламентским прениям... И, конечно, когда подумаешь, что на английских учреждениях ездят иногда люди, гораздо менее имеющие на

то права⁵¹, чем наши графы, то находишь образ действий обоих графов как нельзя более естественным. Одно только нехорошо: раз граф Монталамбер до того увлекся, что наговорил лишнего и отдан был под суд. Два года тому назад процесс его⁵² за слишком усердную похвалу английским прениям в парламенте наделал порядочного скандала. Правда, впрочем, что тот же граф сочинил около того же времени «Pie IX et lord Palmerston»⁵³, где и Пальмерстон и Англия, за исключением, конечно, парламентских форм, уничтожаются в пользу Пия IX.

169

Полные восторженного благоговения пред трибуною, оба графа, можно сказать, превосходят друг друга в постоянных надеждах на силу словесного убеждения. Так как французский граф находится теперь «не у дел», то он, естественно, рассчитывает более на статейки и письма; в прежнее же время возлагал упование на свои красноречивые «дискурсы»⁵⁴. Пьемонтский граф теперь смотрит несколько свысока на статейки и даже на речи, это уж для него пустяки; но он твердо надеется изменить лицо мира посредством своих дипломатических нот. «Письмо» графа Монталамбера дает нам один образчик того, как оба графа, наперерыв друг перед другом, рвутся показать свою приверженность к «убеждению». Граф Кавур (вспоминая, без сомнения, своего бывшего сотрудника, благонадежного графа Бальбо) уверяет в своей речи, что вопрос Рима и Венеции не может быть решен силою, что надо подождать, пока мнение европейских держав сформируется в пользу Италии, когда святой отец убедится, что надо отдать Рим Пьемонту, а Австрия почувствует моральную невозможность держаться в Венеции. «Для этого надо действовать на общее мнение Европы, надо

убеждение, переговоры, убеждение, дипломатические ноты, меморандумы, убеждение, убеждение... И уж положитесь на меня — мои ноты будут убедительны!» Так провозглашал граф Кавур. Кажется, достаточно сильно?.. Но граф Монталамбер старается перекричать его, повторяя: «Да, убеждение, убеждение, все надо делать убеждением, а не силой, именно убеждением, и вы должны были действовать убеждением, не другим чем, как убеждением... прогресс совершается идеей, а не силой, убеждением, а не оружием»... и пр. Относительно Венеции, например, граф Монталамбер до того согласен с графом Кавуром и графом Бальбо, что, даже при всем желании возражать пьемонтскому дипломату, не находит сказать ничего лучшего, как только заподозрить его в неискренности. «Вы хотите получить Венецию, — пишет он, — действуя убеждением на Австрию и Европу. Увидим... Я искренно желаю вам успеха. Да, именно таким способом, посредством убеждения, примером собственного благодеяния. Пьемонт после 1847 года должен был бы и мог бы обеспечить торжество и честь своей политики. И вот почему из всех виновных в том зле, которое совершается теперь в Италии, — вы (т. е. Кавур) может быть всех виновнее. Вы имели все, что нужно для того, чтобы привести ко благу дело столь прекрасное, сохранив симпатию всех честных людей в целом мире. Ни в патриотизме, *ни в красноречии* (!), ни в отваге, ни в настойчивости, ни в ловкости у вас не было недостатка; вам не доставало одного — совести (conscience) и уважения к совести других».

Как видите, граф Монталамбер не только убеждение любит, но и свободу: он одобряет сардинские постановления (да и нельзя иначе: они дают простор *красноречию!*) и желает освобождения Венеции не меньше самого графа Кавура. Они оба страшатся только, когда люди заходят очень далеко... И в этом отношении сходство между двумя графами не менее поразительно, как во всех других. Граф Монталамбер,

например, еще в ранней молодости тотчас же воспользовался на трибуне плодами июльской революции, но известно, что в беспорядках, произведших ее, он был совершенно неповинен. То же самое надо сказать и о 1848 годе... Если обратимся к графу Кавуру, то увидим то же благоразумие: в самой ранней молодости он умел сохранить

170

себя — не попал ни в секту карбонаров, ни в «Юную Италию»⁵⁵, а либеральничал весьма умеренно и благородно в аристократических салонах, и между прочим в салоне своего отца; а потом, после переворота, сделался руководителем новой политики Пьемонта. Он успел лучше, чем граф Монталамбер, и вот чего французский граф никак не может простить ему! Бедняк думает, что это произошло от существенной разницы их идей и характеров, и его самолюбие страдает... А дело просто в том, что Пьемонт — не Франция: благодаря ничтожеству политической жизни Кавур оказался там один, а во Франции Монталамбер потерялся между десятками людей половчее его...

Для того чтобы свобода не была уж слишком свободна, оба графа готовы на все. И, во-первых, они любят, чтобы она была дарована, пожалована...⁵⁶ Вот почему граф Кавур с графом Бальбо и еще несколькими графами и маркизами еще в 1848 году печатали в «Risorgimento» прошение к королю Фердинанду⁵⁷, чтоб он сделался либералом... Вот почему граф Кавур хотел, чтобы освобождение Италии совершилось непременно Наполеоном III. Вот почему и граф Монталамбер неоднократно взывал к разным державам и властителям, чтобы они отказались от своих прав на некоторые области, преимущественно католические, как, напр., Англия — на Ирландию, Пруссия — на Познань и пр. Надо признаться, что

в этом случае трудно решить, кто из двух графов имел более успеха в своих воззваниях.

Зато, если судьба им улыбается, наши близнецы—графы немедленно взлетают на седьмое небо и трубят о спасении свободы от анархии. Выше мы привели то место письма графа Монталамбера, где он так восторженно говорит о Пие IX как творце итальянской независимости и уверяет, что неуспех дела свободы оттого только и произошел, что оно исторгнуто было из рук святейшего отца и попало в руки «неблагодарности, насилия и обмана». Можно было думать, что этакое рода воззрение несколько отдаляет французского оратора от пьемонтского дипломата — ничего не бывало! Вся Европа имела случай убедиться, что граф Кавур одушевлялся совершенно такими же идеями и чувствами. В ноте прусскому правительству он говорит о себе почти в тех самых выражениях, в каких граф Монталамбер отзывается о Пие IX как в письме к графу Кавуру, так и в своей статье о Пие IX и Пальмерстоне. По уверению ноты, если вы припомните, Пьемонт затем именно и вмешался в чужие дела, что дело свободы попало в руки головорезов, что надо было смирить и уничтожить дух революции в Италии. Говорят, будто все это дипломатическая вежливость в отношении к Пруссии; но мы с своей стороны не имеем на этот раз никаких причин подозревать искренность графа Кавура.

Дела говорят лучше слов, а мы не раз видели, как пьемонтский граф не хуже французского на деле показывал свое отвращение ко всяким беспорядкам и даже ко всем, кто только способен был возбудить их. Если он иногда и принужден был казаться сочувствующим беспокойным людям, то всегда неумолимо старался выйти из такого ложного положения, хотя бы для этого нужно было пуститься в другую крайность... Так, видели мы, что он, едва только увидел, что Гарибальди — человек беспокойный, как

немедленно направил против него все усилия своего проницательного гения и еще в

171

Сицилии хотел покончить диктатора посредством Лафарины⁵⁸, а потом объявил его в своем журнале «безумцем» и «препятствием итальянской независимости» и предпочел лучше войти в интимность с генералом Нунцианте⁵⁹, нежели идти рука об руку с таким господином, как Гарибальди. Вся эта история так недавня, что о ней толковать нечего: всякий сам сумеет отдать справедливость графу Кавуру. Но мы, в качестве Плутарха, должны здесь заметить, что точно такие черты благоразумия существуют и в жизни графа Монталамбера. Так, в начале своей карьеры он был участником журнала «L'Avenir»⁶⁰, основанного Ламеннэ, но единственно по недоразумению: он считал, что Ламеннэ — просвещенный, либеральный аббат, и потому естественно сошелся с ним: а как увидел, куда идет Ламеннэ, так и отрекся от него и от его «Avenir». Впоследствии и сам Ламеннэ отрекся от доктрин своего журнала, нашедши их недостаточно решительными; но для графа Монталамбера они, напротив, были слишком решительны и повергли его в такой ужас, что он впоследствии предпочел короткость с г. Луи Вёльо сближению с Ламеннэ. Эта черта французского графа, по нашему мнению, стоит быть замеченною. Она рисует его и сближает с графом Кавуром столько же, как и его деятельность во время 1848 и 1849 года, о которой мы не хотим распространяться.

Найдутся, может быть, люди, которые припишут подобные факты слабости и нерешительности характера и ума. Но только недалёковидные люди могут так рассудить. Мы же с вами, читатель, напротив, видим в деяниях обоих

графов героизм, твердо противящийся всем увлечениям и сохраняющий свое благоразумие в обстоятельствах самых трудных. Не так ли?

Чтобы не подозревать графов в недостатке характера, стоит припомнить все аналогические черты из их жизни, тем более близкие, что в них участвует одно и то же лицо — император французов. Помните, как император хотел простить графа Монталамбера после процесса за неумеренную похвалу Англии, а граф отказался от прощения и подал решение суда на апелляцию? Это было высоко, превосходно — не правда ли? Припомните же теперь и то, как граф Кавур вышел в отставку после Виллафранкского мира⁶¹: согласитесь, что оба поступка не уступают друг другу в благородстве и придают характеру обоих графов оттенок античной доблести!.. И после этого не признавать в них высочайшей силы духа — да это непонятное ослепление!

Впрочем, будем надеяться, что людей до такой степени слепых не найдется между нашими читателями!

Граф Монталамбер, с своей стороны, имеет другое обвинение против графа Кавура — обвинение в бессовестности, в нарушении трактатов и обязательств, в презрении международных прав. Но если бы это обвинение было серьезно, то на него уже готов заранее ответ в словах графа Кавура, утверждающего, что «знаменитый писатель» нуждается в «светлых минутах» для здравого понимания вещей. Впрочем, надо надеяться, что все контroversии о совести со стороны графа Монталамбера составляют не более, как приятную игру слов, внушенную ему желанием рельефнее выставить собственное благородство и рыцарство. В этом он опять сходится с своим противником, который тоже издал в свет немало красноречивых страниц об уважении трактатов,

о совести политической, о порядке и пр. Довольно вспомнить его ноты пред началом войны 1859 года. В одной из них он писал: «Несмотря на все опасности, угрожающие Сардинии, поведение ее правительства всегда было правляемо духом благоприличия и умеренности (*de convenance et de réserve*), которые не откажутся признать за ним все честные люди.... Сардиния старалась внести надежду, терпение и спокойствие в среду отчаяния, нетерпения и ажитации и с величайшим тщанием воздерживалась от роли возбuditеля (*provocateur*) беспорядков; и если публичное право пострадало в Италии, то, конечно, не Сардинию можно обвинять в каком-нибудь, даже самомалейшем уклонении от существующих трактатов. Этот дух умеренности, которым исполнены все действия сардинского правительства, признан и оценен всеми беспристрастными людьми и общественным мнением Европы».

Как видите, граф Кавур, —

Когда о честности высокой говорит,⁶² —

...нисколько не уступает графу Монталамберу. И мы полагаем, что если бы французскому графу пришлось править делами государства, то он, сохраняя постоянно тот же благородный слог, действовал бы не менее искусно и благоразумно, как и граф Кавур. В малом участии, какое имел граф Монталамбер в делах своей страны, мы имеем, однако, достаточно ручательств за основательность наших надежд... Правда, граф Кавур объясняет и оправдывает пьемонтскую политику относительно Гарибальди и всей Италии — очень, очень искусно... Но признаемся, что когда мы припомним, как резюмирует и защищает граф Монталамбер всю деятельность Пия IX, мы затрудняемся, кому отдать преимущество... Мы только думаем: боже, что,

если бы власть в руки этому человеку! Что, если бы он управлял делами хоть бы республики Сан–Марино!⁶³ Всю Европу бы, кажется, поднял на ноги. Да, это истинное несчастье для него, что он сужден действовать в таком круге, каков круг французских общественных деятелей...

Правда, граф Кавур несколько свысока смотрит на «знаменитого писателя», в *светлые минуты* не говорящего странностей, по его мнению. Но поверьте, что это обстоятельство служит только к довершению параллели между двумя графами. Граф Монталамбер несколько не смущается иронией графа Кавура, потому что сам несколько не уступает ему в высоком понятии о собственном достоинстве и в презрении к своим противникам. Посмотрите, например, с каким уничтожающим пренебрежением, с какой язвительной иронией трактует он проекты графа Кавура относительно Рима. «В Риме ваше дело неправо со всех возможных точек зрения, и даже, как вы сами хорошо знаете, с точки зрения итальянской. Мы, французы, мы, католики всего мира, делаем большое пожертвование для независимости папской власти, допуская, чтобы, оставаясь в Италии, она принимала обычную службу от рук итальянцев.... Но вам, итальянцам, сто раз уже повторяли: что будет ваше отечество без папства? Какую фигуру будет представлять ваше пьемонтское величие в этом средоточии католического мира, которое вы хотите превратить в помещение для канцелярий ваших министерств? Не воображаете ли вы, что человечество будет продолжать свой пелеринаж⁶⁴ к подножию трона ваших властителей? Вам дана несравненная слава иметь

у себя столицу двухсот миллионов душ, и все ваше честолюбие состоит в том, чтобы низвести ее на степень

главного города самого недавнего (du dernier venu) из царств земли!...»

Вы видите, что даже и в презрительном обращении друг с другом оба графа сходятся между собою!

Однако ж отчего это взаимное нерасположение? Отчего эта видимая разница воззрений и целей? Отчего оба графа в общем мнении считаются представителями двух противоположных партий — иезуитской и антикатолической, застоя и прогресса, средневековой и современной? Что ни говорите, но сущность разномыслия двух графов заключается в различии их отношений к католицизму. Граф Кавур постоянно вооружался против иезуитов, конфисковал церковные имущества, держал в заключении непокорных епископов, восставал против папы. Относительно церкви католической он сделал вот что, по красноречивому изображению графа Монталамбера:

«В течение десяти лет вы, без всякого права, кроме права сильного, нарушили все трактаты, все обязательства, торжественно заключенные между Пьемонтом и папским престолом. Мало того, вы доносили на святейшего отца на парижском конгрессе⁶⁵, вы оклеветали его намерения, исказили его действия, вы изгнали его епископов, презрели его приговоры, перешли его границы, вторглись в его владения, вы бросили в тюрьму его защитников — вы оскорбили, подавили (insulte, écrasé), бомбардировали его солдат, вы назначаете Гарибальди свидание через шесть месяцев на гробе апостолов?.. И после этого вы говорите католикам: «Я — свобода, и я протягиваю к вам руки!»»

Вот что наделал и что делает еще граф Кавур! Такие поступки справедливо вызывают у графа Монталамбера вопль негодования: «Нет, нет, вы не свобода, кричит он, — вы не более как насилие!.. Не заставляйте нас прибавить, что вы — ложь!» На что, конечно, граф Кавур мог бы отвечать русской пословицей, это «всяк человек ложь, и мы тож», — и

опять равенство его с графом Монталамбером восстановилось бы. Но, к сожалению, граф Кавур русских пословиц не знает, и притом, если послушать графа Монталамбера, то он, т. е. Монталамбер, составляет на сей раз исключение из людей: он никогда не знал лжи, всегда был верен себе, ни разу не уклонился от прямого своего назначения... По крайней мере он сам так говорит: а кому же лучше знать это дело, как не ему? В 1852 году в книжке о своей «*Des intérêts catholiques au XIX siècle*» он отзывался о себе в следующих словах: «Узнают в будущем, что был по крайней мере один старый боец католицизма и свободы, который до 1830 года умел отделить дело католицизма от дела королевской власти; который под режимом июльской монархии стоял за независимость церкви против светской власти; который в 1848 году боролся всеми своими силами против мнимого тождества христианства и демократии и который в 1852 году протестовал против пожертвования свободы силе, под предлогом религии»... А после 1852 г. сколько новых заслуг оказал еще граф Монталамбер делу католицизма! Примирил все противоречия в деятельности Пия IX; открыл, что спасение Англии — в католицизме; наконец он протестует против графа Кавура и говорит ему в заключение своего грозного письма: «Вы можете присоединить к Пьемонту королевства и империи, но я не верю,

174

чтоб вы успели привлечь к вашим действиям согласие хоть одной честной души!» Вот где, стало быть, надобно искать настоящего различия между нами!..

Несмотря на видимое упорство, с которым г. Монталамбер силится выставить эту разницу, мы осмеливаемся утверждать, что она вовсе неважна и более

относится к форме, нежели к сущности дела. Каким образом можно быть в некотором смысле Кавуром и в то же время преклоняться пред всеми атрибутами католицизма, — насчет этого нечего давать объяснения нашим читателям. История из-за г-жи Свечиной еще не так давно разыгралась пред нашими глазами, и воспоминание о ней может навести на весьма полезные мысли...⁶⁶ Но кроме этого — заметим еще вот что: защита папства и католицизма естественно вытекает для графа Монталамбера из его положения, и едва ли мы ошибаемся, полагая, что всякий на его месте принял бы за то же самое. Он, видите ли, хочет самостоятельной и видной деятельности и полагает наверное, что он к ней способен. Но он попал как раз в такое время, когда самостоятельная деятельность могла быть добыта лишь в борьбе... Между тем он — друг порядка, слуга законности, он не выскочка, а человек с родом и именем, человек преданий, человек хороших правил. Он никак не мог броситься на какую-нибудь новую теорию и во имя ее приняться за работу. Ему нужно было отыскать для себя какое-нибудь начало, которое бы само в себе было столь же законно и освящено вековыми преданиями, как и та сила, против которой хотел он идти, для того чтобы «себя показать». Такое начало и нашел он в католицизме... — и успокоился... Он боролся за католицизм, когда его притесняли, боролся, когда его никто не трогал, боролся, когда ему придавали более широкое толкование, чем прежде, боролся, когда суживали его значение... Когда не с кем было бороться в своих пределах, а делал набеги на чужие области — на протестантов, на греко-славян, даже на невинных китайцев. Его один из биографов называет «министром иностранных дел католицизма»; надо прибавить, что этот министр иностранных постоянно одушевлен воинственными наклонностями... Никто не тревожит политики католицизма, скучно «министру», вот он

и начинает историю... Какое участие принимает тут истинная вера — об этом, конечно, мы судить не станем.

Обратите же мысленный взор ваш на графа Кавура и скажите, не ограничивается ли одной внешнею формою разногласие между обоими графами? Побуждения, образ мыслей, основания и цели действий — те же самые; разница только в том, что граф Кавур нашел другой предмет, на котором он мог упражнять свою деятельность шумно и самостоятельно, нисколько не беспокоя своего благоговейного чувства к законности и преданиям. Этот предмет и была — защита итальянской национальности и свободы против иноземцев. Это было и законно, и популярно, и не противно старым преданиям, и не враждебно новым теориям: вот положение графа Кавура и оказалось несравненно выгоднее... Но будем же благоразумны, не будем судить о росте человека по степени высоты места, на котором он стоит... Дело во внутреннем достоинстве человека, и золото — всегда золото, куда бы оно ни было закинуто... А мы, кажется, достаточно показали, что оба — чистейшее золото; что граф Кавур во Франции не хуже Монталамбера умел бы «бороться»

175

и «протестовать» за попранные права, например, иезуитского ордена, и что граф Монталамбер, в свою очередь, не хуже графа Кавура сумел бы «смирить и задушить» революционный дух итальянцев и привести в порядок все, что так безрассудно расстроил Гарибальди с своими единомышленниками...

Остается пожалеть, что такие достойные люди не признают друг друга и что каждый из них старается бросить тень на заслуги другого. Но так как это обстоятельство равно относится к обоим, то и оно нисколько не уменьшает поразительной верности нашей параллели — напротив, оно

даже довершает ее как необходимое условие. Если бы графы наши могли сойтись, то параллель была бы невозможна, — это известно из геометрии. Да и без геометрии понятно, что если б который-нибудь из графов уразумел свое ближайшее сходство с другим, то уж этим самым сходство-то и нарушилось бы...

Притом же — это уж дело решенное, что великие общественные деятели, равно как и великие поэты, никогда не должны знать истинного смысла того, что они делают. В противном, случае что же осталось бы критикам, историкам и биографам?.. Тогда, значит, не было бы ни Фукидида⁶⁷, ни Плутарха и главное — не было бы настоящего этюда!

Пусть же они хлопочут о том, чтобы выставлять разницу между собою мы имеем достаточно данных, по которым всегда можем восстановить их типическое сходство. Припомним вкратце:

Оба — графы не только по титулу, но и по уму и сердцу; оба дружны с такими же графами, как они, но в случае нужды дружатся даже и с людьми менее высокого благородства, лишь бы то были не враги порядка.

Оба любят законность и умеренную свободу, с сохранением благотворного влияния аристократии; но оба ненавидят безумную анархию, стремящуюся попрасть исторические предания и изменить начала, на которых уже столько веков покоится благоденствие человеческих обществ.

Оба — приверженцы английской конституции, до безумия любят парламентские прения, в случае нужды заменяют их статьями и нотами, вообще стараются шуметь как можно больше, но никогда не увлекаются за пределы, предписываемые благоразумием и солидностью, никогда не служат вздорным и опасным утопиям....

Оба полны веры в свое красноречие и в благодушие тех, с кем они имеют дело; оба пишут воззвания, адреса, письма,

в полной уверенности достигнуть таким образом высокой цели.

Оба одушевлены прекраснейшими намерениями, оба весьма патетически говорят о совести и соблюдении международных прав, оба из всех сил хлопочут о союзе свободы, религии и порядка, оба соединяются в уважении к «убеждению» и в нелюбви к Гарибальди... Наконец — оба почтены «Русским вестником» в статьях г. Чичерина и, если не ошибаемся, г. Феокистова!⁶⁸

Теперь мораль:

Из сего сравнения научитесь, читатели, не судить о людях по наружности, а ценить истинное достоинство везде, где бы оно ни оказалось. Вы часто возвеличивали пьемонтского графа в ущерб французскому; теперь вы видите, что поступили в отношении к последнему несправедливо. Отдайте

176

же ему должную честь, и если блеск заслуг его не столь ярок, как его собрата, припишите его единственно различию положений, а никак не недостатку внутреннего достоинства. Знайте, что жемчужина — всегда жемчужина. Обстановка может измениться, но внутреннее достоинство и истинное значение жемчужины останутся всегда те же.

Кондратий Шелухин.

177